

ДЕПУТАТСКИЙ КОРПУС РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ОПЫТ ГЕНДЕРНОГО АНАЛИЗА

.....

Козлова Н. Н.

Козлова Наталия Николаевна, Тверской государственный университет, 170100,
Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33. Эл. почта: tver-rapn@mail.ru

Автор рассматривает проблему гендерной асимметрии в законодательных (представительных) органах власти субъектов РФ. Анализируя работы ученых по исследованию гендерной асимметрии в различных российских регионах, исследователь приходит к выводу, что конструирование гендерной пирамиды в отдельных субъектах федерации существенно различается. В данной статье объектом анализа является представительство женщин в региональных парламентах ЮФО. Источниками информации выступили контентные специализированных порталов, сайтов органов государственности власти субъектов федерации, политических партий, СМИ. Отбор материалов для исследования проводился автором в январе–мае 2016 г. На основе обобщения и анализа статистических данных (партийной принадлежности, политического опыта, образования, профессии, возраста и т.д.) автор предлагает аналитическое описание женского сегмента депутатского корпуса региональных парламентов ЮФО. Исследователь делает вывод, что для органов законодательной власти субъектов федерации ЮФО характерен низкий уровень представленности женщин, место и роль женщин в региональных парламентах незначительные, а гендерная асимметрия имеет институциональный характер. К значимым результатам исследования следует отнести следующие: избранных по пропорциональной избирательной системе женщин-депутатов больше чем тех, кто был избран по мажоритарной системе; женщин-депутатов региональных парламентов ЮФО характеризует высокий образовательный ценз; большинство женщин имеет гуманитарное образование, а их профессиональная принадлежность в основном соответствует их образованию. Женщины включаются в политику в зрелом возрасте, успешно совмещая семейные и политические роли. Поскольку автор статьи приходит к выводу, что политический опыт женщин-депутатов формируется примерно в равной степени из таких источников как муниципальная и государственная служба, партийная карьера, депутатская деятельность в представительных органах МСУ, общественный активизм, то и повышение представительства женщин в региональных легислатурах, преодоление гендерной асимметрии власти, по мнению исследователя, может проходить через данные институты.

Ключевые слова: гендерный анализ, гендерные роли в политике, региональный парламентаризм, гендерная асимметрия, избирательные системы.

Важность гендерного анализа политики была осознана и поставлена на повестку дня в российской политической науке в 1990-е гг. в контексте изучения функционирования демократических институтов, направленных на расширение доступа к политической власти всех слоёв населения, в том числе женщин

(Воронина, 2001). Гендерный анализ политической системы представляет собой комплексное многоуровневое исследование влияния фактора пола на различные аспекты политической сферы: институты, процессы, культуру и т.д. (Шведова, 2002). Первый этап гендерного анализа политической системы — это фиксация количества женщин и мужчин, которые участвуют в распределении должностей в политико-государственной иерархии. Обобщая статистические данные о представительстве женщин и мужчин в органах государственной власти и управления, ученые эксплицировали такой социальный феномен, как гендерная пирамида: «где больше власти — там меньше женщин» (Пушкарева, 2008). Негативным последствием гендерного неравенства в политике является искажение природы политики как поля для согласования общезначимых интересов различных социальных общностей и групп, создание дисбаланса в распределении ресурсов между публичной и приватной сферами. А. А. Гнедаш считает, что рост гендерной асимметрии в российском обществе обостряет проблемы, связанные с «ухудшением социально-экономического положения женщин, вытеснением их из сферы принятия решений, феминизации бедности», а также усиливает «проблемы мужской части населения» (Гнедаш, 2007).

В российской политологии сложились несколько точек зрения на природу, причины, последствия гендерной асимметрии, а также на пути ее преодоления. Исследователи, ориентированные на изучение факторов, препятствующих продвижению женщин во власть, выявляют комплекс институциональных и не институциональных ограничений — законодательства, избирательных процедур, гендерных стереотипов и пр. Значительный вклад в разработку данной проблематики был сделан С. Г. Айвазовой (Айвазова, 2008), которая обобщила и проанализировала обширный массив исторических, статистических, социологических данных об участии женщин в политике. Е. В. Кочкина в своих исследованиях отразила представленность женщин в советских и российских органах власти (Кочкина, 2004). Влиянию отдельных факторов (политических партий, политической культуры и т.д.) на формирование гендерной пирамиды посвящены труды Т. Б. Рябовой (Рябова, 2008), В. И. Успенской (Успенская, 2012), Н. А. Шведовой (Шведова, 2006), А. Г. Швеца и Ю. Л. Шепелевой (Швец, Шепелева, 2015) и др. Воздействие таких факторов, как образование, профессия, возраст, семейный статус, наличие детей, на воспроизводство гендерной асимметрии анализируется в трудах В. Н. Константиновой и А. А. Темкиной (Константинова, 1992; Темкина, 1996).

К отдельной группе исследований следует отнести работы, созданные на базе региональных источников. Российскими исследователями была изучена проблема представленности женщин в органах государственной власти Санкт-Петербурга (Темкина, 1996; Ушакова, 2007; Попова, 2013), Краснодарского края (Гнедаш, 2007), Пермского края и Тамбовской области (Чирикова, 2010), Татарстана (Ершов, Ивлева, 2009), Самарской (Попкова, 2003), Читинской (Коновалова,

2006), Ивановской (Хасбулатова, 2006), Архангельской (Кудряшова, Кукаренко, 2004), Иркутской (Березовская, Уралова, 2008), Саратовской (Овчарова, 2010), Нижегородской (Татарченко, 2007), Томской (Тарусина, 2005), Тверской (Козлова, 2016а) областей. В ряде исследований объектом сравнительного анализа является органы государственной власти и местного самоуправления комплекса субъектов федерации (Колесник, 2009; Морозова, 2011; Девятярова, 2014; Козлова, 2016б).

При анализе работы ученых по исследованию гендерной асимметрии в различных российских регионах становятся очевидными различия в конструировании гендерной пирамиды в отдельных субъектах федерации. Для более комплексного анализа гендерной асимметрии на уровне регионов автор данного исследования обращается к депутатскому корпусу законодательных (представительных) органов власти федеральных округов РФ, а именно — к субъектам федерации, входящим в Южный федеральный округ.

Цель данной статьи — исследовать представительство женщин в региональных парламентах ЮФО на основе анализа статистических данных о количестве женщин и статусе в legislatures субъектов федерации ЮФО, их политическом опыте, образовании, месте работы, возрасте, семейном статусе и др. Источниками информации выступили контентные специализированных порталов (Парламентский портал, VIPERSON и др.), сайтов органов государственности власти субъектов федерации, политических партий, СМИ. Отбор материалов для исследования проводился автором в январе–мае 2016 г.

Представленность женщин-депутатов в региональных парламентах ЮФО

Созданный в 2000 г. Южный федеральный округ (с 13 мая по 21 июня 2000 г. он назывался Северо-Кавказский федеральный округ), был дважды преобразован: Указом Президента РФ Д. А. Медведева от 19 января 2010 г. № 82 из состава ЮФО был выделен Северо-Кавказский федеральный округ, Указом Президента РФ В. В. Путина от 28 июля 2016 г. № 375 в состав ЮФО был включён Крымский федеральный округ. Таким образом, с учетом всех изменений в состав ЮФО входят 8 регионов: 3 республики — Адыгея, Калмыкия, Крым; 3 области — Астраханская, Волгоградская, Ростовская; 1 край — Краснодарский; 1 город федерального значения — г. Севастополь. Депутатский корпус региональных парламента ЮФО насчитывает 436 депутатов. Парламенты регионов отличаются по численности: Законодательное Собрание Краснодарского края насчитывает 100 депутатов, а г. Севастополя — 24 депутата. За исключением парламента Калмыкии, который избирается по пропорциональной системе, парламента остальных субъектов федерации, входящих в состав ЮФО, формируются по смешанной системе.

Из 436 избранных депутатов законодательных органов регионов ЮФО женщины составляют 66 человек или 15,1% всего депутатского корпуса. Как видно из

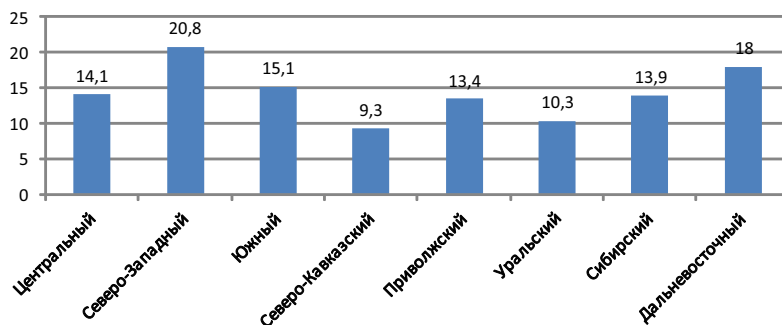

Рис. 1. Процент женщин-депутатов в региональных парламентах федеральных округов

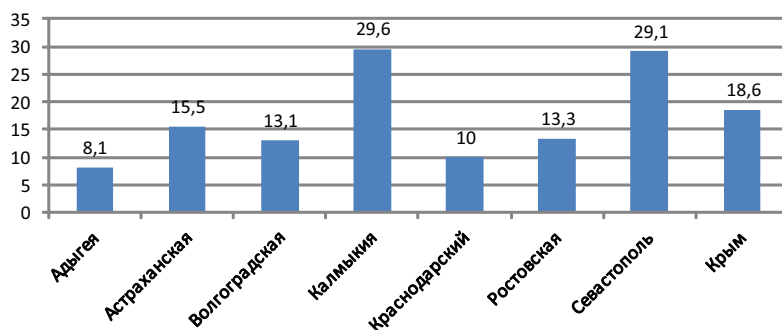

Рис. 2. Процент женщин-депутатов в региональных парламентах ЮФО

рис. 1, по представительству женщин в региональных парламентах ЮФО занимает третье место по России, уступая Северо-Западному и Дальневосточному федеральным округам, но обгоняя Центральный, Северо-Кавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский федеральные округа. Кроме того, процент представительства женщин в легислатурах субъектов федерации, входящих в состав ЮФО, немного выше общероссийского, который составляет 14,3%.

В то же время статистические показатели представленности женщин в региональных парламентах ЮФО существенно отличаются: от 8,1 до 29,6%. Максимальный процент женщин-депутатов законодательных органов регионов ЮФО фиксируется в Республике Калмыкия (8 женщин, или 29,6%) и г. Севастополь (7 женщин, или 29,1%). Близкие в количественном отношении позиции занимают Республика Крым (14 женщин, или 18,6%), Краснодарский край (10 женщин, или 10%), Астраханская (9 женщин, или 15,5%) и Волгоградская области (5 женщин, или 13,1%). Наименьший процент женщин-депутатов фиксируется в органе законодательной власти Республики Адыгея — 8,1% (5 человек) (рис. 2).

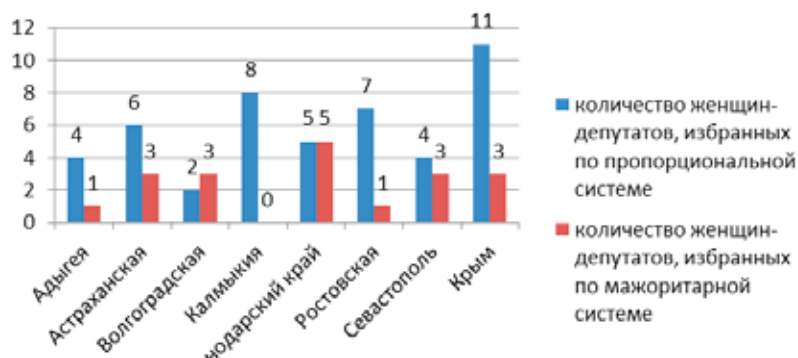

Рис. 3. Количество женщин-депутатов, избранных по пропорциональной и мажоритарной системам в региональные парламенты ЮФО

Таким образом, в субъектах федерации, входящих в состав ЮФО, нет легислатур, в которых численность женщин составила менее 5%, один субъект, в котором представленность женщин находится в диапазоне от 5 до 9,9%, в 7 субъектах показатель женщин-депутатов превышает 10%, из них в 2 субъектах превышает 15%, и ещё в 2 регионах — близок к 30%.

Избирательные системы и партийная принадлежность женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО

В рамках дискуссии о роли избирательных систем в электоральном успехе женщин сложилось две точки зрения: одни исследователи считают, что мажоритарная система предоставляет женщинам больше шансов для избрания (Андреевкова, 2000), другие видят такие преимущества в пропорциональной системе (Овчарова, 2008). Анализ депутатского корпуса региональных парламентов ЮФО показывает, что по пропорциональной избирательной системе было избрано 47 (71,2%) женщин, а по мажоритарной — 19 (28,8%). Очевидно, что пропорциональная система в значительно большей степени обеспечивает представительство женщин в региональных легислатурах ЮФО, чем мажоритарная. Даже если исключить из депутатского корпуса 8 женщин-депутатов, избранных исключительно по пропорциональной системе в Парламент Республики Калмыкии, то преимущество сохранится за пропорциональной системой (рис. 3).

Как известно, пропорциональная избирательная система предполагает выдвижение кандидатов от политических партий. Проанализируем статистические данные о количестве женщин-депутатов, которые провели в региональные парламенты различные политические силы.

В целом партийная принадлежность женщин-депутатов региональных парламентов ЮФО такова: от «Единой России» было избрано 60 (91%) женщин, от «КПРФ» — 2 (3%), от «Справедливой России» — 2 (3%), от «Патриотов России» — 1 (1,5%), от «Гражданской Платформы» — 1 (1,5%) (рис. 4).

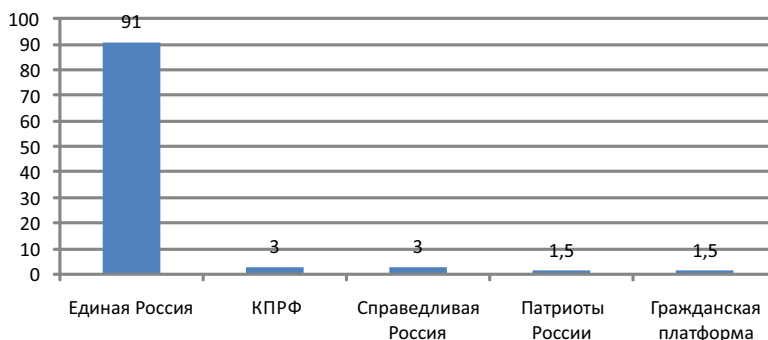

Рис. 4. Партийная принадлежность женщин-депутатов региональных парламентов ЮФО, %

Очевидно, что представленные данные отражают место политических партий в политической системе России и прежде всего ведущую роль «Единой России» в архитектонике партийной системы. Выдвижение женщин политическими партиями определяется непосредственно их миссией во внутрипартийной жизни. Так, 8 женщин (12,1%) занимают руководящие позиции в региональных отделениях партиях, в частности, являются членами региональных политсоветов партий и их президиумов, возглавляют региональные приемные руководители партии, а также районные и городские отделения партий. Это позволяет женщинам претендовать на руководство однопартийцами и в парламенте. В региональном депутатском корпусе ЮФО 3 женщины (4,5%) являются руководителями партийных фракций, 2 (3%) — заместителями руководителя фракции.

Распределение мест и должностей в региональных парламентах ЮФО выглядит следующим образом: женщин — председателей парламентов нет, 4 женщины являются заместителями председателя парламента, 19 — председателями профильных комитетов, 18 — заместителями председателей комитетов, остальные — рядовыми членами комитетов. На работе в комитетах/комиссиях социального блока (здравоохранения, образования, молодежной политики и т.д.) сосредоточено 90% женщин-депутатов. В парламентах ЮФО отражается та же тенденция, которая была выявлена нами в ЦФО: женщины-депутаты стремятся получить должность на профессиональной основе. Так, перед избранием в текущий состав парламентов ЮФО на профессиональной основе работало 3 женщины-депутата. После избрания на постоянной основе законотворческой деятельностью стали заниматься 24 женщины — депутата.

Траектории политических биографий женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО

Анализ политического опыта дает возможность исследовать пути продвижения женщин в депутатский корпус региональных парламентов. В российской

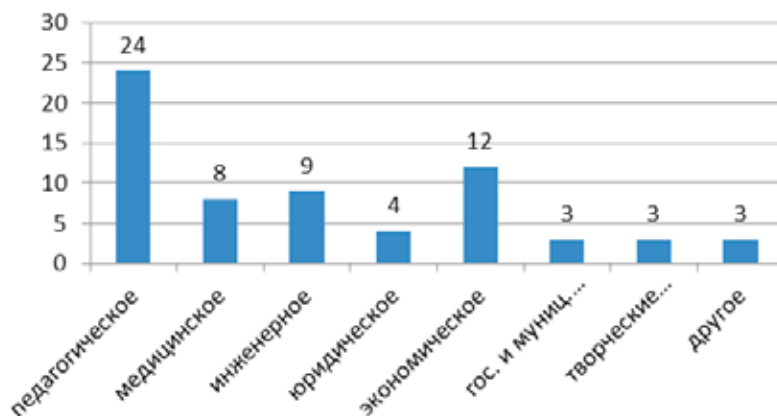

Рис. 5. Образование женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО

политологии сложилось несколько точек зрения на способы включения женщин во властные структуры. В частности, А. А. Темкина (Темкина 1996) рассматривает возможности и ограничения женского политического участия в России через анализ следующих сценариев прихода женщин в политику — «политика как продолжение профессиональной карьеры», «политика как профессия», «политика как следствие женской биографии». А. Е. Чирикова (Чирикова, 2010) выделяет три модели попадания женщин во власть: модель постепенного роста, модель парашютирования, модель наследования.

Итак, 16 женщин-депутатов начали свою политическую карьеру с представительных органов местного самоуправления (далее — МСУ), продвигаясь вверх к региональному уровню государственной власти. Опыт государственной и муниципальной службы имеют 11 женщин-депутатов: до избрания в региональные парламенты они занимали высокие посты — должности заместителей губернаторов, руководителей региональных департаментов (экономического развития, имущественных отношений, образования, молодежной политики, информационно-аналитического управления и др.), глав городов и районов, представителей глав субъектов федерации в различных территориях, органах власти и МСУ. Как известно, государственная и муниципальная служба является наиболее важным видом политического капитала, позволяет использовать в политической борьбе неформальные политические сети, административный ресурс. Именно к женщинам-депутатам, имеющим опыт государственной службы, приковано внимание журналистов (Степанов, 2016).

Как показывает анализ биографий 4 женщины-депутата, большую роль в их карьере сыграло место помощника депутата ГД ФС РФ и Верховной Рады Украины.

В качестве политического ресурса 13 женщин-депутатов используют общественные организации: «Всероссийский совет МСУ» (Волгоград), благотворительный фонд «Поколения» (Волгоград), Общероссийский Народный

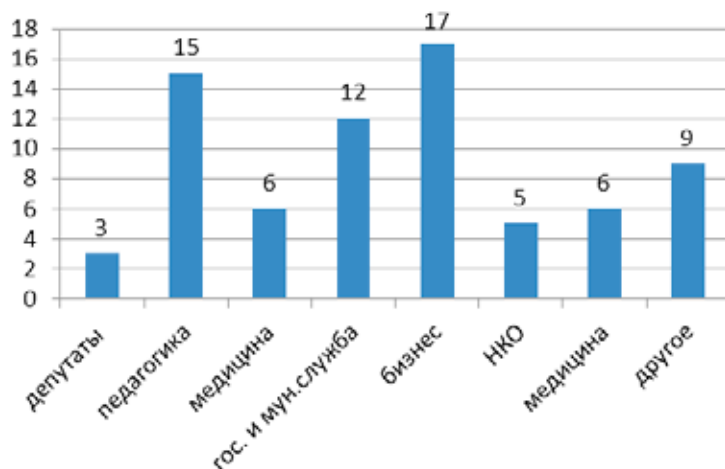

Рис. 6. Профессиональная принадлежность женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО

Фронт (Краснодарский край), «Молодая гвардия ЕР» (Крым), «Опора России» (г. Севастополь) и др. Лишь 1 состоит в женской общественной организации.

Таким образом, политический опыт женщин — депутатов региональных парламентов формируется примерно в равной степени в результате: муниципальной и государственной службы, партийной карьеры, депутатской деятельности в представительных органах МСУ, общественного активизма.

Образование и профессиональная принадлежность женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО

Женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО характеризует высокий образовательный ценз: все имеют высшее образование. Гуманитарное образование имеет большинство женщин. На рис. 5 приведены подробно сведения о профильности образования женщин-депутатов.

Часть женщин-депутатов получила второе (20 человек, или 30,3%) и третье высшее образование (2 человека, или 3%). Среди второго и третьего высшего образования преобладают такие направления, как экономическое, юридическое, государственное и муниципальное управление. Степени кандидатов и докторов наук добились соответственно 10 (15,1%) и 2 (3%) женщин.

Профессиональная принадлежность женщин-депутатов в основном соответствует их образованию. На первом месте женщины-депутаты, которые заняты хозяйственной деятельностью — 17 (25,8%), 15 (22,7%) женщин представляют корпус преподавателей средней и высшей школы, 12 (18,1%) — занимают посты на государственной и муниципальной службе, 6 (9%) — посвятили свою жизнь медицине, 5 (7,6%) — некоммерческим общественным организациям (НКО).

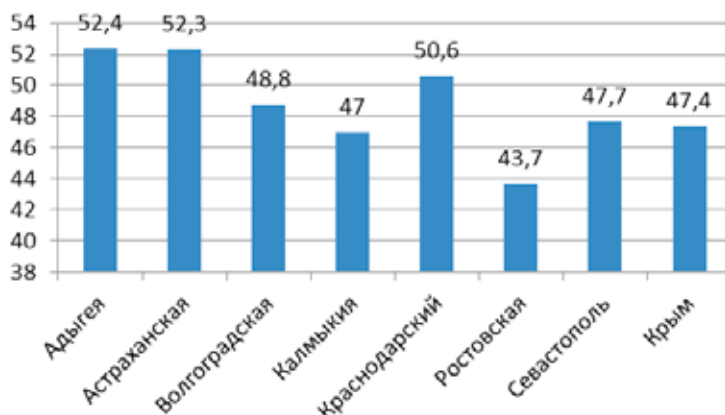

Рис. 7. Возраст женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО

Незначительное число женщин-депутатов выбрали другие профессии (социальная работа, журналистика и пр.) (рис. 6).

Возраст и семейный статус женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО

Исследователи биографий российских женщин-политиков указывают, что женщины вовлекаются активно в политическую борьбу в более позднем возрасте, чем мужчины, что связано с ответственностью женщин за ведение домашнего хозяйства и заботу о детях (Константинова, 1992). Средний возраст женщин-депутатов региональных парламентов ЮФО на момент избрания составил 48,7 год. По регионам средний возраст депутатов значительно варьируется: самая «молодая» область — Ростовская, в которой средний возраст депутата составляет 43,7 лет; самый «пожилой» регион — Республика Адыгея, в которой средний возраст депутата составляет 52,4 года (рис. 7).

Из 66 женщин — депутатов legislatures субъектов федерации 2 человека (3%) находятся в возрастной категории от 20 до 29 лет; 10 человек (15,1%) — в возрастной категории от 30 до 39 лет; 24 человека (36,3%) — в возрастной категории от 40 до 49 лет; 23 человека (34,8%) — в возрастной категории от 50 до 59 лет; 7 (10,6%) — в возрастной категории от 60 до 69 лет. Таким образом, очевидно, что количество молодых женщин-депутатов незначительно, а в депутатском корпусе ЮФО преобладают женщины средней и старшей возрастной категории. В отличие от региональных парламентов Северо-Кавказского федерального округа в ЮФО нет женщин-депутатов старше 70 лет, а возрастные категории от 40 до 49 лет и от 50 до 59 лет по численности практически совпадают. О том, что женская политическая элита в региональных парламентах стареет и медленно обновляется говорит и тот факт, что 4 женщины-депутата (6%) уже избирались членами региональных парламентов (рис. 8).

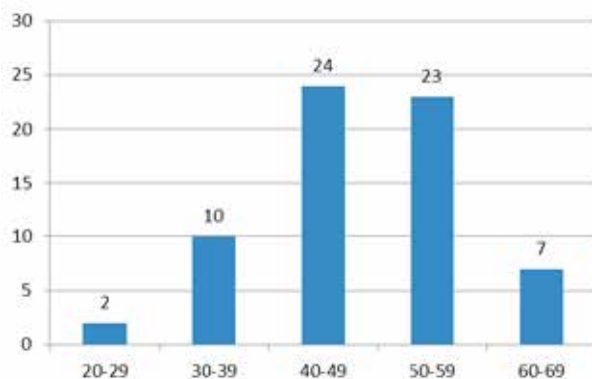

Рис. 8. Распределение женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО по возрастным группам

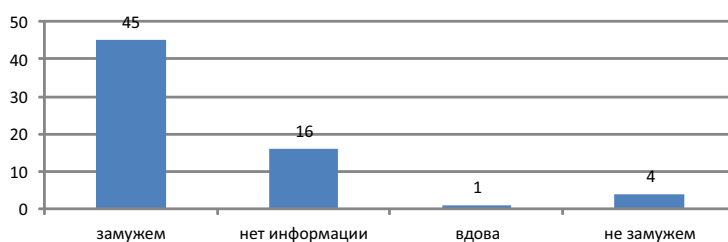

Рис. 9. Семейный статус женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО

Семейный статус женщин-депутатов и наличие у них детей является предметом научного интереса в силу того, что при анализе общественного мнения исследователями было выявлено негативное отношение к незамужним женщинам (Митина, 1999). К сожалению, несмотря на положение публичного лица, часть женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО не афиширует свою личную жизнь в СМИ: 16 (24,2%) не предоставили никакой информации о своем семейном положении. В открытых информационных источниках статус «замужем» указали 45 женщин (68,1%), «вдова» — 1 (1,5%), «не замужем» — 4 (6%) (рис. 9).

По биографическим данным, представленным в сети Интернет, 34 женщины-депутата (51,5%) имеют детей, 32 (48,5%) — не информировали электорат по данному вопросу. При этом 16 (24,2%) женщин-депутатов воспитывают(ли) 1 ребенка, 9 (13,6%) — 2 детей, 3 (4,5%) — 3 детей. Таким образом, несмотря на то, что данные цифры нуждаются в уточнении, они свидетельствуют: большинство женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО состоят в браке, благополучно сочетают политические и семейные роли.

Анализируя биографии женщин-депутатов, важно отметить, что в большинстве случаев (44 или 66,6% женщин) они родились в том же регионе, в парламенте

которого представляют интересы граждан. Вне субъекта федерации родились 20 женщин (30,3%), а о месте рождения 2 человек (3%) нет открытой информации.

Заключение и основные выводы

Для депутатского корпуса региональных парламентов ЮФО характерен низкий уровень представленности женщин — 66 человек (15,1%). Однако проблема гендерной асимметрии характерна для парламентов всех российских регионов: общероссийский показатель представленности женщин в органах законодательной власти составляет 14,3%. В рамках ЮФО доли женщин — депутатов региональных парламентов существенно отличаются: от 8,1 до 29,6%.

Избранные по пропорциональной избирательной системе женщины-депутаты преобладают над теми, кто получил свой мандат от избирателей мажоритарного округа. В логику доминирования «Единой России» в партийной системе страны вписывается статистика по партийной принадлежности женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО: от «Единой России» было избрано 60 женщин (91%), от других партий («КПРФ», «Справедливая Россия», «Патриоты России», «Гражданская Платформа») от 1,5 до 3%.

Как показывает наше исследование, продвижение женщин политическими партиями определяется их местом и ролью в партийной жизни. Так, 8 женщин (12,1%) занимают руководящие позиции в региональных отделениях партиях. Незначительная часть из них — 3 женщины (4,5%) — продолжает руководить однопартийцами и в региональных парламентах.

В целом, опираясь на статистику распределения должностей между женщинами и мужчинами в представительных органах субъектов федерации ЮФО, можно сделать вывод, что их роль в региональном законодательном процессе незначительная: женщин — председателей парламентов нет, 4 женщины являются заместителями председателя парламента. Абсолютное большинство женщин-депутатов сосредоточено на работе в комитетах социального профиля. Женщины-депутаты стремятся получить должность на профессиональной основе.

Траектории политических биографий женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО свидетельствуют, что их политический опыт формируется примерно в равной степени в результате: муниципальной и государственной службы, партийной карьеры, депутатской деятельности в представительных органах МСУ, общественного активизма. В отличие от западных стран женщины-политики мало используют такой ресурс, как женские организации.

Женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО характеризует высокий образовательный ценз: все имеют высшее образование. Гуманитарное образование имеет большинство женщин. Профессиональная принадлежность женщин-депутатов в основном соответствует их образованию. Среди женского состава депутатского корпуса регионов ЮФО преобладают женщины-депутаты,

которые заняты хозяйственной деятельностью и педагогической деятельностью. Успехи в профессиональной деятельности женщин-депутатов способствуют их избранию в парламент.

Данные исследования подтверждают выводы политологов, что женщины включаются в политику в зрелом возрасте: средний возраст женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО на момент избрания составил 48,7 год. В депутатском корпусе ЮФО преобладают женщины в возрастной категории от 40 до 49 и 50 до 59 лет. В отличие от региональных парламентов Северо-Кавказского федерального округа, в ЮФО нет женщин-депутатов старше 70 лет. При обобщении данных статистики о брачном статусе женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО становится очевидным, что их семейные и политические роли взаимно дополняют друг друга: большинство замужем и воспитывает детей.

Данное исследование выявило, что гендерная асимметрия является одной из характеристик российской политической системы. Консервативный поворот в отечественной политике с начала 2000-х гг. придал гендерной пирамиде более устойчивый, институциональный характер. Поскольку основными ресурсами при избрании женщин-депутатов являются партийные и общественные организации, опыт и связи, приобретенные на государственной и муниципальной службе, в период исполнения депутатских обязанностей в представительных органах МСУ, то увеличение доли женщин в составе законодательных органов субъектов федерации может происходить, во-первых, за счет продвижения женщин в политику политическими партиями, во-вторых, за счет гендерно сбалансированной кадровой политики в органах государственной власти и МСУ, в-третьих, за счет активизации гражданского общества, общественных организаций.

Библиографический список

1. Айвазова, С. Г. (2008). *Российские выборы: гендерное прочтение*. Москва: Московские учебники и картолитография.
2. Андреевкова, А. В. (2000). Представительство женщин в парламентах России и Украины. *Социологические исследования*, 11, 117–127.
3. Березовская, Г. В., Уралова С. В. (2008). Женщины в элите Иркутской области. *Альманах современной науки и образования*, 10 (17), 29–31.
4. Воронина, О. А. (2001). Теоретико-методологические основы гендерных исследований. В *Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций* (с. 13–108). Москва: МЦГИ-МВШСЭН.
5. Гнедаш, А. А. (2007). Политико-административные элиты постсоветской России: гендерное измерение (по материалам экспертного опроса в Краснодарском крае). В *Новые направления политической науки: гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика* (с. 258–274). Москва: РАНП, РОССПЭН.

6. Девятиярова, А. И. (2014). Представленность женщин в парламентах регионов Западной Сибири: сравнительный анализ. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 1 (35), 293–300.
7. Ершов, А. Н., Ивлева, О. С. (2009). Проблема гендерного равенства в социальном управлении: региональный аспект. *Регионоведение*, 4, 148–157.
8. Козлова, Н. Н. (2016а). Депутатский корпус Центрального федерального округа: гендерное измерение. *Женщина в российском обществе*, 4, 58–71.
9. Козлова, Н. Н. (2016б). Законодательное Собрание Тверской области (1994–2016): гендерный профиль. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, 3, 202–211.
10. Колесник, Н. В. (2009). Гендерные распределения в региональной элите (Северо-Запад и Юг России). *ПОЛИТЭКС*, 2, 72–87.
11. Коновалова, Г. В. (2006). *Управление представительством женщин в органах власти субъекта российской федерации (на материалах Читинской области)*. Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Чита.
12. Константинова, В. Н. (1992). Женщины и проблемы политического лидерства. В *Женщины и социальная политика (гендерный аспект)* (с. 108–109). Москва: ИСЭПН РАН.
13. Кочкина, Е. В. (2004). Представительство женщин в структурах власти России, 1917–2002 гг. В *Гендерная реконструкция политических систем* (с. 477–524). СПб.: ИСПГ-Алетейя.
14. Кудряшова, Е. В., Кукаренко, Н. Н. (2004). Политическое участие женщин в Архангельской области. В *Гендерная реконструкция политических систем* (с. 703–718). СПб.: Алетейя.
15. Митина, О. В. (1999). Женское гендерное поведение в социальном и кросскультурном аспектах. *Общественные науки и современность*, 3, 179–191.
16. Морозова, О. С. (2011). Анализ качественного состава региональных парламентов ЦФО. *Сборники конференций НИЦ Социосфера*, 20, 63–66.
17. Овчарова, О. Г. (2008). Влияние пропорциональной избирательной системы на представительство женщин в России. В *Избирательные процессы в современной России: теория и практика* (с. 128–133). Саратов: СГАП.
18. Овчарова, О. Г. (2010). Женщины в российских органах власти: региональное измерение. В *Проблемы модернизации российской государственности: стратегии, институты, акторы* (с. 253–255). Саратов: СГАП.
19. Попкова, Л. Н. (2003). «Миссия невыполнима»: женские стратегии политического участия. В *Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов* (с. 221–241). Самара: Самарский университет.
20. Попова, О. В. (2013). Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнения экспертов. *Женщина в российском обществе*, 3 (68), 21–30.
21. Пушкарева, Н. Л. (2008). Где больше власти — там меньше женщин (гендерная экспертиза законодательства и текущей законотворческой деятельности высших органов власти РФ 1991–2006 гг.). *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика*, 1, 117–127.

22. Рябова, Т. Б. (2008). *Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике*. Иваново: ИВГУ.
23. Степанов, А. (2016, Апрель 6). Задержанная с контрабандой депутат ЗС Ростовской области Наталья Кравченко сложила свои полномочия. *Комсомольская правда*. Режим доступа: <http://www.rostov.kp.ru/daily/26513/3382438/>
24. Тарусина, И. (2005). Представительство женщин в меняющихся политических элитах (на примере Томской области). В *Гендерное устройство: социальные институты и практики* (с. 195–207). СПб.: Европ. ун-т в СПб.
25. Татарченко, А. Ф. (2007). Ступени карьеры в государственной службе: гендерный аспект. *Женщина в российском обществе*, 3, 46–52.
26. Темкина, А. А. (1996). Женский путь в политику: гендерная перспектива. В *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период* (с. 22–26). СПб.: ЦНСИ.
27. Успенская, В. И. (2012). Политические партии как ключевой фактор повышения роли женщин в политике. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: «Экономика и управление»*, 26, 15–24.
28. Ушакова, В. Г. (2007). Гендер и политика: на материалах Санкт-Петербурга. *Женщина в российском обществе*, 2, 13–26.
29. Хасбулатова, О. А. (2006). Проблемы интеграции гендерного подхода в деятельность органов регионального управления. *Женщина в российском обществе*, 1–2, 10–15.
30. Чирикова, А. Е. (2010). *Региональные элиты России*. Москва: Аспект-Пресс.
31. Швец, Л. Г., Шепелева, Ю. Л. (2015). *Гендерный аспект властных отношений: проблемы и направления развития*. Москва: КРЕДО.
32. Шведова, Н. А. (2002). Гендерный анализ. В А. А. Денисова (ред.) *Словарь гендерных терминов* (с. 67–69). Москва: Информация — XXI век.

Статья поступила в редакцию 24.01.2017.

.....

DEPUTY CORPS OF REGIONAL PARLIAMENTS OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT: GENDER ANALYSIS

Kozlova N. N.

Kozlova Natalia Nikolaevna, Tver State University, 170100, Russia, Tver, Zhelyabova str., 33.
E-mail: tver-rapn@mail.ru

The author exams gender asymmetry in the legislative bodies in constituent members of the Russian Federation. Analyzing the work of scientists on the study of gender asymmetry in various Russian regions, the researcher comes to the conclusion, that the construction of the gender pyramid in separate subjects of the federation differs significantly. In this article the subject of the analysis is the women representation in regional parliaments of the Southern Federal District. Sources of information were the contents of specialized portals, websites of state authorities of federation subjects, political parties, mass media. Material selection for the study was carried out by the author in January-May of 2016. The author proposes an analytical description of the female segment of the deputies of regional parliaments SFD on the basis of the compilation and analysis of statistical data (party affiliation, political experience, education, profession, age, etc.).

The researcher concludes that the legislative bodies are characterized by low level of representation of women, minor role and place of women in regional parliaments, and the gender

asymmetry is institutional. Important results of the study should be taken into account the following women deputies elected by proportional electoral system more than those who were elected by the majority system; deputies women of regional parliaments are characterized by high educational qualification; most women have a liberal arts education and their professional affiliation in general corresponds to their education. Women are involved in politics in adulthood successfully combining family and political roles. As the author of the article concludes that the political experience of women is formed approximately equally from such sources as municipal and state service, party career, deputy activity in representative bodies of local self-government, social activism that and increase in representation of women in regional legislatures, overcoming the gender asymmetry of power, according to the researcher can pass through the given institutes.

Key words: gender analysis, gender roles in politics, regional parliamentarism, gender asymmetry, electoral system.

References

1. Ayvazova, S. G. (2008). *Rossiyskie vyibory: gendernoe prochtenie*. Moscow: Moskovskie uchebniki i kartolitografiya.
2. Andreenkova, A. V. (2000). Predstavitelstvo zhenschin v parlamentah Rossii i Ukrainyi. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 11, 117–127.
3. Berezovskaya, G. V. & Uralova S. V. (2008). Zhenschini v elite Irkutskoy oblasti. *Almanah sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 10 (17), 29–31.
4. Voronina, O. A. (2001). Teoretiko-metodologicheskie osnovyi gendernyih issledovaniy. In *Teoriya i metodologiya gendernyih issledovaniy. Kurs lektsiy* (pp. 13–108). Moscow: MTsGI–MVShSEN.
5. Gnedash, A. A. (2007). Politiko-administrativnyie elityi postsovetskooy Rossii: gendernoe izmerenie (po materialam ekspertnogo oprosa v Krasnodarskom krae). In *Novyie napravleniya politicheskoy nauki: gendernaya politologiya. Institutsionalnaya politologiya. Politicheskaya ekonomiya. Sotsialnaya politika* (pp. 258–274). Moscow: RANP, ROSSPEN.
6. Devyatyyarova, A. I. (2014). Predstavlennost zhenschin v parlamentah regionov Zapadnoy Sibiri: sravnitelnyiy analiz. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 1 (35), 293–300.
7. Ershov, A. N. & Ivleva, O. S. (2009). Problema gendernogo ravenstva v sotsialnom upravlenii: regionalnyiy aspekt. *Regionologiya* [Regionology], 4, 148–157.
8. Kozlova, N. N. (2016a). Deputatskiy korpus Tsentralnogo federalnogo okruga: gendernoe izmerenie. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society], 4, 58–71.
9. Kozlova, N. N. (2016b). Zakonodatelnoe Sobranie Tverskoy oblasti (1994–2016): gendernyy profil. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Vestnik TVGU. Series: Economics and Management], 3, 202–211.
10. Kolesnik, N. V. (2009). Gendernyye raspredeleniya v regionalnoy elite (Severo-Zapad i Yug Rossii). *POLITEKS* [POLITEX], 2, 72–87.
11. Konovalova, G. V. (2006). *Upravlenie predstavitelstvom zhenschin v organah vlasti sub'ekta rossiyskoy federatsii (na materialah Chitinskoy oblasti)*. Avtoref. diss. ... kand. sots. nauk. Chita.
12. Konstantinova, V. N. (1992). Zhenschini i problemy politicheskogo liderstva. In *Zhenschini i sotsialnaya politika (gendernyyiy aspekt)* (pp. 107–117). Moscow: ISEPN RAN.

13. Kochkina, E. V. (2004). Predstavitelstvo zhenschin v strukturah vlasti Rossii, 1917–2002 gg. In *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh system* (pp. 477–524). SPb.: ISPG-Aleteyya..
14. Kudryashova, E. V. & Kukarenko, N. N. (2004). Politicheskoe uchastie zhenschin v Arhangel'skoy oblasti. In *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh system* (pp. 703–718). SPb.: Aleteyya.
15. Mitina, O. V. (1999). Zhenskoe gendernoe povedenie v sotsialnom i krosskulturnom aspektah. *Obschestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modern], 3, 179–191.
16. Morozova, O. S. (2011). Analiz kachestvennogo sostava regionalnykh parlamentov TsFO. Sborniki konferentsiy NITs. *Sotsiosfera* [Sociosphere], 20, 63–66.
17. Ovcharova, O. G. (2008). Vliyanie proporsionalnoy izbiratel'noy sistemy na predstavitel'stvo zhenschin v Rossii. In *Izбирatel'nyye protsessy v sovremennoy Rossii: teoriya i praktika* (pp. 128–133). Saratov: SGAP.
18. Ovcharova, O. G. (2010). Zhenschiny v rossiyskikh organakh vlasti: regionalnoe izmerenie. In *Problemy modernizatsii rossiyskoy gosudarstvennosti: strategii, instituty, aktory* (pp. 253–255). Saratov: SGAP.
19. Popkova, L. N. (2003). “Missiya nevyipolnima”: zhenskie strategii politicheskogo uchastiya. In *Gendernyye otnosheniya v sovremennoy Rossii: issledovaniya 1990-h godov* (pp. 221–241). Samara: Samarskiy universitet.
20. Popova, O. V. (2013). Gendernyye aspekty politicheskoy kareryi rossiyskoy subfederal'noy elityi: mneniya ekspertov. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society], 3 (68), 21–30.
21. Pushkareva, N. L. (2008). Gde bolshe vlasti — tam menshe zhenschin (gendernaya ekspertiza zakonodatel'stva i tekushey zakonotvorcheskoy deyatel'nosti vysshikh organov vlasti RF 1991–2006 gg.). *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Belgorod State University scientific bulletin. Series: History. Political Science. Economics. Information Technology], 1, 117–127.
22. Ryabova, T. B. (2008). *Pol vlasti: gendernyye stereotipy v sovremennoy rossiyskoy politike*. Ivanovo: IvGU.
23. Stepanov, A. (2016, April 6). Zaderzhannaya s kontrabandoy deputat ZS Rostovskoy oblasti Natalya Kravchenko slozhila svoi polnomochiya. *Komsomolskaya pravda*. Retrieved from: <http://www.rostov.kp.ru/daily/26513/3382438/>
24. Tarusina, I. (2005). Predstavitelstvo zhenschin v menyayuschihsiya politicheskikh elitah (na primere Tomskoy oblasti). In *Gendernoe ustroystvo: sotsialnyye instituty i praktiki* (pp. 195–207). SPb.: Evrop. un-t v SPb.
25. Tatarchenko, A. F. (2007). Stupeni kareryi v gosudarstvennoy sluzhbe: gendernyy aspekt. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society], 3, 46–52.
26. Temkina, A. A. (1996). Zhenskiy put v politiku: gendernaya perspektiva. In *Gendernoe izmerenie sotsialnoy i politicheskoy aktivnosti v perekhodnyy period* (pp. 22–26). SPb.: TsNSI.
27. Uspenskaya, V. I. (2012). Politicheskie partii kak klyuchevoy faktor povyisheniya roli zhenschin v politike. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Vestnik TVGU. Series: Economics and Management], 26, 15–24.

28. Ushakova, V. G. (2007). Gender i politika: na materialah Sankt-Peterburga. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society], 2, 13–26.
29. Hasbulatova, O. A. (2006). Problemy integratsii gendernogo podhoda v deyatelnost organov regionalnogo upravleniya. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society], 1–2, 10–15.
30. Chirikova, A. E. (2010). *Regionalnyie elityi Rossii*. Moscow: Aspekt-Press.
31. Shvets, L. G. & Shepeleva, Yu. L. (2015). *Gendernyy aspekt vlastnyih otnosheniy: problemy i napravleniya razvitiya*. Moscow: KREDO.
32. Shvedova, N. A. (2002). Gendernyy analiz. In A. A. Denisova (red.) *Slovar gendernyih terminov* (pp. 67–69). Moscow: Informatsiya — XXI vek.